Илья Муромец и Соловей-разбойник (8)

От того от моря от синего,
От того от океана Ледовитого
Ехал старо́й да Илья Муромец на добро́м кони́.
Едет старо́й — только курева́ стоит, дым столбом вали́т,
Из-под копыт прямо летит, прямо за́ версту.
На кони́ Илья сам бел-бело́й,
Бел-бело́й, уж сед-седой.
Приехал старо́й на перво́й застав,
На заста́вы три столбика стоят,
Стоят да три столбика дубовые,
На столбики дощечки приколочены,
На дощечках подписи подписаны,
Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
«Перву́ дорожку мне ехать — живому не быть,
Вторý — мне богатому быть,
Третью́ — мне женатому быть».
Подумал старо́й своим умом богатырскиим:
«Смо́лоду было богатство не нажито,
На старость мне — душа па́губа,
Смолоду было не же́ненось,
А на старость жениться — чужа́ коры́сть.
В чисто́м поли́ старо́му смерть не писана,
Поеду в ту дорожку да нее́зжену,
Поеду в ту дорожку прямоезжую».
Заросла дорожка эта тридцать лет;
Добрый молодец туда не проезживал,
Ясен со́кол туда не пролётывал,
Добрый молодец туды не прохаживал:
На дороге живет Соловей Рахматович,
Не спускает он ни конного, ни пешего.
Лево́й рукой старо́й Илья Муромец коня ведет,
А право́й — ду́бья рвёт,
Ду́бья рвёт и мосты мостит.
Едет старо́й опять вперед,
Стоят тут три мужичка, три бога́тыря,

Хотят старо́го схватить за черны́ кудри.
Говорит да Илья Муромец:
«Ой вы еси, мужички, русски бога́тыри!
Бить-то вам меня не́ за что,
Взять-то вам у меня нечего,
Только есть на шеи чу́ден крест позолоченый».
На то мужики пуще обзадо́рились,
Хватать стали Илью Муромца.
Разгорелось у Ильи сердце богатырское,
Он схватил всех трех во белы́ руки́,
Бросил их о сыру́ землю́,
И тут мужицкам и смерть случиласе.
Едет опять Илья Муромец вперед,
Опять приехал на заставу великую.
Сидит тут Соловей Рахмантович
На двенадцати дубах, на двенадцати подду́бинках.
Закричал Соловей по-змеиному,
Заревел Рахмантов по-соловьиному,
Испужался у старо́го добро́й конь, конь богатырский,
Припал он на колена.
«Ой ты, конь, ты конь, лошадь добрая,
Не слыхала разве ты крыку соловьиного,
Не слышала разве ты крыку вороньего?»
Справился у старо́го конь.
На кони́ сидит, лук принатягиват,
Калёную стрелоцку накладыват,
Сам ко стрелки приговариват:
«Ты лети, стрелка моя калёная,
Калёная стрелоцка, перёная,
Ты не на́ воду пади, стрела, не на́ землю,
А попади ты Соловью во право́й глаз,
И вылети ты, стрела, ухом левыим!»
А на лету́ старо́й был ухватчивой —
Полетел с дубу Соло́вьюшко.
Ухватил старо́й его право́й рукой,
Не допустил его до сыро́й земли,
И привязал его к стремени булатному,
Приковал ко стремени лошадиному.
Едет Илья опять вперед в стольне Киев-град.

Увидела Соловья мать родимая, гроза великая:
«Ой еси ты, Илья Муромец,
Почему везешь ты моего сына?
Не пропущу я вас в стольне Киев-град,
Не спущу к солнышку Владимиру!»
Говорит Соловей матушке родимоей:
«Не твое теперь, маменька, кушаю,
Не тебя сейчас я слушаю,
Теперь слушаю Илью Муромца,
Почитаю я за родного батюшка».
В е́йной дом Илья выстрелил,
Окошечка все выбил до единого.
Едет вперед, не разговариват,
Приехал старо́й в стольне Киев-град
Ко солнышку да ко Владимиру.
Ставит коня позади двора,
Дал ему пшеницы белоя́ровой:
«Стой, мой бурушко, тихо-смирненько».
Заходит Илья к солнышку Владимиру,
Крест кладет по-писаному,
Поклон дает по-ученому,
Молитву творит по-Исусову,
Кланяетце на все четыре стороны,
Солнышку Владимиру на особицу:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!» —
«Здравствуй, русский сильный бога́тырь,
Старо́й казак Илья Муромец!
Откуль едешь, откуль пра́вишьсе,
Откуль нынче путь держи́шь?» —
«Еду из сторонушки из западноей,
Еду дорожкой прямое́зжеей».
Сделал солнышко Владимир-князь
Большо́ пиро́ванье, большо столо́ванье.
Тридцать три собралось русских бога́тыря,
Собралось много бояр толстобрюхиих.
Пировали-столова́ли трои суточки,
Стали все пьянёшеньки,
Стали все веселёшеньки.
Ильюшко стал пьянёшенек,

Стал по полу похаживать
И такие речи стал поговаривать:
«Пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть врага неверного, врага идо́льского,
Еще успокоить думою бояр толстобрюхиих».
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Сходи-ко-се на улицу, приведи Соловья Рахмантова
Поглядеть нам всем на посмотре́ньицо».
Тут и вышли все на улицу,
Взял он солнышка Владимира во праву́ руку́,
А матушку его Апраксию во леву́ руку́,
И сказал Илья Соловью Рахмантову:
«Зареви ты, Соловей, в полу́крика,
Засвисти ты, Соловей, в полу́свиста».
Заревел Соловей во весь крык,
Засвистал Соловей во весь свист —
Па́ли все тут люди на́ землю,
Лежали люди без ума все три часа.
Солнышко Владимир с матушкой
Едва живы в руках Ильи.
Рассердилсе тут старо́й на Соловья,
Заскочил старо́й тут на добра́ коня́,
Привязал он Соловья за лошадиный хвост,
Потащил его по чисту́ полю́:
Где руки, где ноги, где буйна голова,
Тут ему и смерть случиласе.
Приехал старо́й в стольне Киев-град;
Насказали на старо́го бояре толстобрюхии,
Насказали солнышку Владимиру,
Что «пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть солнышка Владимира».
Испужался солнышко Владимир-князь,
Приказал слугам верным взять старого за белы́ руки́
И вести его в подземелие.
Дал там ему стол дубовый, книгу Евангелье, свечи стерлинные,
Посадили тут Илью Муромца.
У солнышка матушка была до сиро́т добра́,
Она носила тайком всё, что хочетце,
Кормила его ровно три года́.

Взволновалась тут земля неверная, силы множество.
Едет она на стольне Киев-град
И шлет она пакет немилослив:
«Весь стольне Киев-град во полон возьму,
Мелкую силу всю повырублю».
Солнышко Владимир запечалился:
«Кто меня станет охранять-беречь?
Нет у меня сильного бога́тыря,
Нет надежного Ильи Муромца».
Послал он слугу верную
К Ильи Муромцу во темно́й погре́б.
Приходила слуга верная к Илье Муромцу,
Низко ему поклониласе,
Горькими слезами уливается:
«Ты выходи-ко, старо́й да Илья Муромец,
Выходи-ко ты за святую Русь,
На нас больша́ сила срядилася!»
Старо́й казак челом не бьет, головы не гнет:
«Не ваше пью и кушаю,
Не вас сейчас я слушаю».
Пришла к князю тут слуга верная:
«Ильюшка нам челом не бьет, головы не гнёт.
Не ваше, говорит, кушаю,
Не вас, говорит, и слушаю,
А послушаю только матушку Апраксию».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Поди, матушка Апраксия,
Сходи к Илье Муромцу,
Пади ему во праву́ ногу́,
Проси у него прощеньица!»
Побежала к ему матушка Апраксия,
Отворила двери по́гребны,
Бьет челом, низко кланяетце:
«Ой еси, старо́й Илья Муромец!
Ты защита была великая,
Оборона была надейная,
Ведь на наш на стольне Киев-град
Взволновалась Орда неверная,
Хочет она взять стольне Киев-град!»

Говорит тут ей Илья Муромец:
«Поди, веди мне бу́рушка,
Дам тебе ключи золоченые».
Привела матушка ему бурушку,
Развернул он двери стеклянные,
Вылетел из погреба ясным соколом.
Не видала Апраксия, как он на коня скочил,
Только видела, как в стремена ступил,
В стремена ступил булатные.
Пригони́л он в стольно Киев-град,
По приезде его все встретили,
Сделали ему че́стен пир.
Солнышко стал ему жа́литьце:
«Отделились все от нас русски бога́тыри,
Поднялась на нас сила неверная,
Пособи нам с ней справитьце».
Говорит тут старо́й казак Илья Муромец:
«Не хочу с ней ла́дитьце,
Не хочу с ней ми́ритьце,
Поеду сам на за́ставу».
Приехал он на за́ставу великую,
Поглядел он в трубочку подзорную,
Увидел силу неверную,
Неверную силу многую,
И погони́л к силы неверноей.
Раз пять прокатил и всех срани́л.
По улоцки гони́т, как траву коси́т.
Лучшую силу во полон берет,
Плохую силу в пень повырубил,
А красно чи́сто се́ребро ко себе берет,
Красно золото колесо́м кати́т,
Красных девушек гонит стани́цами,
Молодых молодушек всех пленни́цами.
Оттуль нынце поворот держи́т,
Приехал в стольне Киев-град,
Сделали тут нынце веселой пир.
Все на пиру напивалисе,
До́сыта все наедалися.
Благодарили стара́ казака да Илью Муромца:

«А сберег ты нам стольне Киев-град,
Не знаем теперь, чем дарить тебя». —
«Не надо мне ваши подарочки, —
Говорит тут Илья Муромец, —
Меня храните да в темницу не сади́те».

(Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.